

ЭКЗОРЦИСТ

Памяти Алексея Ивановича Пискунова

I

Экзорцизм – это обряд, формализованный римско-католической церковью в XVII в., проводившийся над человеком, проявляющим признаки одержимости бесами. Этот обряд, описанный в Ritual romanum в 1614 г. и все еще признаваемый в качестве официальной процедуры, был нацелен на дьявола или «злого духа», предположительно поселившегося в теле одержимого.

Ч.Фишер. (Психологическая энциклопедия)

Наверное, всем нам – тем, кто путем более или менее долгих исканий пришел к работе в педагогической науке – ведом особый, ни с чем не сравнимый вид духовного наслаждения, который несет с собой занятие наукой. Открытие нового факта, удавшаяся апробация нового метода, выявленная закономерность... Эти чистые радости привлекают в мир науки все новые и новые поколения исследователей.

Однако двойственность человеческой природы свойственна каждому из нас, и ученые, увы, - не исключение. Как говорят в таких случаях, за левым плечом сидит бес-искуситель, сбивающий нас с верного пути.

Что это за бесы, докучающие тем, кто занят научной деятельностью? Это наши хорошие знакомцы, и мы можем поименовать каждого поименно.

Гордость первооткрывателя и самолюбование. Это самые мелкие и легко распознаваемые бесы, которые паразитирует на начинающих ученых. Под их влиянием юному аспиранту хочется сразу внести своё, желательно веское, слово в науку. Если публиковаться – так сразу, по меньшей мере, в «Педагогике». Если выносить что-то на обсуждение – то обязательно что-то такое, что произведет в науке переворот. Например, какую-нибудь принципиально новую классификацию. И когда на обсуждении делают замечание, что подобные подходы уже встречались,

надо только поглубже познакомиться с литературой, - всё это списывается на козни ретроградов. Не поняли, не признали молодого таланта...

Правда, в последние годы этот бес что-то захирел. Видимо, задавили его старшие, куда как более агрессивные и далеко не столь безобидные сородичи.

Научное тщеславие и карьеризм. Ну что, казалось бы, дает человеку ученая степень в наше время, когда престиж науки, кажется, достиг своего нижнего предела? Разве копеечную прибавку в зарплате? Но нет, стремление к степеням и званиям год от году только растет. Цифры ВАКа, иллюстрирующие ежегодный рост количества защищаемых кандидатских и докторских диссертаций по педагогике на протяжении 1990-х – 2000-х гг., носят просто устрашающий характер. Если бы всё это было правдой, то наше лидерство в образовании давно уже было бы признано недостижимым!

На самом деле, во всем виновата старая, как мир, парочка толстых бесов, толкающих человека навстречу ложным идеалам мирской славы. Правило тут простое: чем выше человек, тем выше ему хочется. Не случайно в последние годы среди соискателей все больше генералов, бизнесменов и крупных и некрупных чиновников – казалось бы, и без того вполне состоявшихся людей...

Что касается «своих», плоть от плоти педагогических работников, - то, как греет каждое новое звание! Ассистент, потом старший преподаватель, доцент, дипломированный доцент, наконец, диплом профессора! И пусть в глазах большинства это не вызывает того пиетета, которым были окружены представители научно-образовательного сообщества полвека назад, - в собственных глазах движение вверх по карьерной лестнице вполне способно стать самодостаточной целью. Особенно, если оплата труда оставляет желать лучшего.

Не будем забывать и о том, что за пределами Москвы, Петербурга и некоторых известных «наукоградов» научные степени по-прежнему высоко ценятся в народе. Если выступающего на каком-нибудь собрании объявляют как «кандидата педагогических наук», то и отношение к нему уже совсем другое. Человека со степенью скорее примут в «высоких кабинетах» и с большим пониманием отнесутся к просьбе. Одним словом – почет и уважение.

Корыстолюбие и стяжательство. Эти бесы ухитряются проникнуть даже туда, где им, казалось бы, совсем нет места. Казалось бы, законов бихевиоризма никто не отменял, и ученые-педагоги уже давно были должны привыкнуть существовать в нищете. Однако все наоборот! Те из нас, кто занимался «диссертациями под заказ», знает, как отличается этот «теневой» доход от официальной зарплаты. Не менее вкусные расценки у НИРов, выполняемых в рамках различных федеральных и ведомственных целевых программ. И если за то, что ты написал в чужой диссертации, всё-таки приходится отвечать – защиту пока еще никто не отменял – то в «отчётах о НИР», по крайней мере, в предыдущие годы, никакой содержательности не требовалось. Как говорят в таких случаях специалисты – «чистые деньги».

К этому надо прибавить, что в нашей стране по-прежнему остаются сферы, причем вполне престижные, где движение «вверх» и связанные с этим материальные дивиденды стимулируются наличием ученой степени. Со степенью становится легче получить очередное воинское звание или руководство отделом в министерстве. Да и в коммерческих структурах для занятия некоторых серьезных должностей уже мало высшего образования – работодатель предпочитает специалистов с научной степенью.

Почивание на лаврах. Этот бес издавна караулил исследователей зрелого и пожилого возраста, но в последнее время его тянет и к молодым. Если уже есть степень и звание, если есть «своя тема» - можно и успокоиться. Убаюкивающий голос беса настолько притупляет остроту и непредвзятость научного видения, что ученый (или лучше сказать, бывший ученый) начинает агрессивно реагировать на все попытки «занять» его «научное поле», развить или, не дай Бог, опровергнуть ранее высказанные им постулаты. Если же таких поползновений не происходит – начинается полная научная стагнация. Человек из года в год «разрабатывает» одну и ту же научную тему, переписывая из отчета в отчет одни и те же предложения и публикует одни и те же, по сути дела, статьи, разве что иногда меняя расположение слов в заголовках.

Как видим, бесы разные, но результат один – благодаря им научная деятельность подменяется квази- и псевдонаучной, потом околонуучной, а потом и вовсе ненаучной. Но всё это - под видом серьезной исследовательской работы. И это, заметим, беда отнюдь не последнего

двадцатилетия, на которое сейчас у нас принято сваливать причины едва ли не всех бед. Одни и те же бесы и полвека, и век, и два века назад преследовали ученых. Сколько из них пало жертвами собственной гордыни, тщеславия, сребролюбия в ходе долгой и трагической истории развития науки!

И какой большой труд нужен ученому, чтобы стать *экзорцистом* – чтобы изгнать всех этих «околонаучных» бесов *сперва из себя*, а потом и из других!

II

*Сколь мелкие это чувства, сколь недостойны они
экзорциста, каковой никаких чувств не должен
допускать в душу свою!*

Е. Чудинова. «Ларец».

- Алексей Иванович, я хотел(а) бы написать докторскую.

- Что?! Не слышу!

Громче:

- Алексей Иванович! Я хочу написать докторскую диссертацию!

- Вы не поняли меня! Я не слышу: Вы хотите *провести исследование?*

Иногда, уже в 90-е годы, академика Пискунова называли «динозавром». Он и казался таковым на фоне «новой генерации» учёных, которые стали – кто бизнесменом, кто – политиком, кто – академиком-учредителем. Кто-то уехал на постоянное место жительства в богатые и тёплые страны. Кто-то сделал себе капитал на огульной критике «советской педагогики». И только академик Пискунов, среди немногих, остался тем, кем он был.

Уже не помню, кто выдал этот меткий афоризм: когда вымирают динозавры – размножаются крысы.

Алексей Иванович знал это. Предвидел. Поэтому и работал с «молодняком» жёстко и эффективно. А основным методом его работы был *экзорцизм*.

-Алексей Иванович, я принес(ла) очередной параграф.

-Хорошо, я посмотрю. Скажите, а сколько страниц в день Вы обычно пишете?

-Ну, по-разному... Бывает, что десять. А иногда и пятнадцать...

-? Если Вы пишете *хорошо*, – у Вас никак не сможет получиться в день больше двух страниц.

Никакой имитации! Это лозунг работы академика Пискунова с аспирантами и докторантами, со всеми сотрудниками научных и научно-педагогических подразделений, с которыми ему приходилось нянчиться, а чаще – просто мучаться, чтобы довести до сознания простые истины.

Первая из них: наука должна быть наукой. Когда ты проводишь исследование, прежде «изгони беса». Проведи грань между научной работой и всяческими околонучными мотивами, которые легко и незаметно уводят от сути дела.

Найти и сопоставить факты. Увидеть суть дела и высказаться о них предельно ясным языком. Вот простые принципы педагогического и историко-педагогического исследования, выполнение которых оказывается на практике таким сложным.

Бесы тянут в одну сторону. Академик Пискунов – в другую, прямо противоположную, выправляя линию личного профессионального роста исследователя. Может быть, в этом и состоит истинный смысл последипломного образования – научить человека подавлять в себе те нездоровые амбиции, которые развились и укрепились в нем на предыдущей ступени высшего образования?

Я бы погрешил против истины, если бы взялся утверждать, что экзорцизм академика Пискунова давал стопроцентный результат. Человек, как известно, не бес – он и креста не боится. У каждого всегда оставалось право на выбор своего собственного пути. Далеко не многие до конца и последовательно сохраняли научную линию, свободную от страстей и пристрастий. Еще меньше было тех, кто мог выдержать разреженную атмосферу горных вершин, именуемых высотами науки. Но тот, кто в

конце концов уклонился, тот в глубине души не мог не чувствовать, что утратил нечто важное.

Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: «возвращусь в дом мой, откуда я вышел»; и, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, - и бывает для человека того последнее хуже первого (Лк 11:24-26).